

Когда Цзян Шоуянь снова проснулся, на улице совсем рассвело. Сам он давно привык к подобным дням, когда из-за долгого тяжелого сна теряешь счёт времени, но сегодня всё-таки был особенный день, не такой, как прежде. Чэн Цзайе обнимал его со спины: рука расслабленно лежала на талии, а ладонь покоилась внизу живота. Его дыхание — глубокое и медленное — раз за разом касалось задней стороны шеи, даря ощущение надёжности и умиротворения. Цзян Шоуянь слегка пошевелился, и Чэн Цзайе тут же прильнул к нему. Похоже, он сам проснулся совсем недавно, и его голос звучал немного невнятно.

— Проснулся? — он поцеловал Цзян Шоуяня в шею сзади, а затем, уткнувшись лицом, ласково потёрся о него.

Цзян Шоуянь отозвался тихим: «Угу». Полуприкрыв глаза и ещё не до конца проснувшись, он машинально погладил подушечками пальцев тыльную сторону ладони Чэн Цзайе, а затем вдруг замер, почувствовав, как в него упирается что-то твёрдое. Чэн Цзайе был молод, и сексуальный аппетит у него был куда сильнее, чем у Цзян Шоуяня. Тот потянулся, слегка толкнул парня в бедро и произнёс:

— Я больше не выдержу.

— Я ничего не буду делать, честно.

Чэн Цзайе ещё не отошёл от смены часовых поясов и был настолько сонным, что ему даже не хотелось открывать глаза. Он обнял мужчину ещё крепче, скользнул ладонью под его пижаму и провёл вверх от живота до груди. На его ладони были мозоли, и от этих прикосновений по телу разлилось лёгкое покалывание. Цзян Шоуянь со стоном выдохнул, и дыхание Чэн Цзайе за его спиной стало ещё тяжелее.

— Я просто немного потрусь, — сказал Чэн Цзайе, прижимаясь теснее. Его мускулистые руки придавили руки Цзян Шоуяня, крепко заключая того в объятия.

Цзян Шоуянь мог пошевелить только пальцами. Прищурившись, он принялся вычерчивать подушечками пальцев мелкие круги на бедре Чэн Цзайе и, послушно подыгрывая его движениям, издал несколько тихих стонов. Искра возбуждения, которая должна была вот-вот погаснуть, моментально разгорелась ярче. Чэн Цзайе прикусил его мочку уха, затем слегка лизнул и с безысходностью прошептал:

— Сжался надо мной, пощади.

От ласк Чэн Цзайе Цзян Шоуяню тоже стало жарко, а прикосновение к уху заставило его взгляд окончательно помутиться. Повернув голову, он посмотрел на парня заспанными глазами и спросил:

— В чём дело?

После прошлой ночи слова «в чём дело?» вызвали у Чэн Цзайе чуть ли не панику. Он был на грани, но всё равно не хотел отстраняться. Уткнувшись носом в шею Цзян Шоуяня, он жадно вдыхал его запах, словно пытался выпить ядовитое вино, чтобы утолить жажду. Наконец, когда терпеть стало невыносимо, он откинул одеяло и встал с постели.

На нём были только длинные штаны, на обнажённой спине виднелись две бледные царапины. На его широких, мощных плечах эти лёгкие следы ногтей выглядели невероятно притягательно.

Цзян Шоуянь медленно перевернулся на другой бок. Чэн Цзайе как раз обходил кровать от изголовья к изножью, и, увидев, что тот повернулся к нему, ускорил шаг. Слегка отвернувшись, он в несколько широких шагов влетел в ванную, откуда вскоре послышался шум воды.

Уголки губ Цзян Шоуяня дрогнули в лёгкой усмешке. Стекло, отделяющее ванную, было матовым, сквозь него смутно проступал человеческий силуэт. Чэн Цзайе стоял боком, опустив голову. Каждый изгиб его тела дышал первобытной силой и казался даже слегка пугающим.

Постепенно стекло заволокло паром. Спустя некоторое время Чэн Цзайе резко запрокинул голову. Цзян Шоуянь мог почти в точности представить выражение его лица: кадык наверняка судорожно дёргается. Всякий раз, когда он был близок к разрядке, он толкался яростно и жёстко, его шея покрывалась красными пятнами, а дыхание становилось частым и хриплым.

Дыхание самого Цзян Шоуяня тоже стало немного тяжелее. Вчера они перестарались, и сегодня всё его тело было слабым, словно ватным. Но стоило им только проснуться и немного раздражить друг друга, как воспоминания вновь вызвали сладкую истому в самом низу спины, и из него непроизвольно вытекло немного влаги. А затем он увидел, как Чэн Цзайе повернул голову и довольно долго простоял на одном месте.

Если снаружи сквозь матовое стекло угадывался смутный силуэт, то и изнутри было видно то, что происходит в спальне. Примерно через минуту Чэн Цзайе, видимо, наконец-то заметил, что на стеклянной стене есть рулонная штора. В два шага он оказался рядом и с шумом опустил её.

Цзян Шоуянь уткнулся в одеяло и захихикал, но не успел он отсмеяться, как дверь открылась и Чэн Цзайе вышел. Его пижамная рубашка, которую он вечером подстелил под Цзян Шоуяня, была испачкана. Сейчас, с голым торсом, от которого исходил горячий пар, он навалился сверху и прижал к кровати завёрнутого в одеяло мужчину.

— Ты подглядывал за мной. — Уши Чэн Цзайе покраснели — то ли от жара, то ли от смущения.

Цзян Шоуянь высунул кончик носа из-под одеяла. Под весом Чэн Цзайе он был похож на

шелкопряда в коконе.

— Я смотрел совершенно открыто.

Чэн Цзайе ничего не ответил, лишь принялся покусывать его шею. Вдруг он уловил какой-то запах. Сначала он подумал, что пахнет от него самого, но через мгновение понял, что ошибся. Он резко поднял голову, долгим взглядом посмотрел на Цзян Шоуяня, а затем вдруг рассмеялся. Цзян Шоуянь, судя по всему, прекрасно понял, над чем тот смеётся. Неловко поёрзав, он скомандовал:

— А ну слезай.

Чэн Цзайе послушно приподнялся на коленях, но руки с одеяла не убрал. Уткнувшись носом, он поцеловал ещё не до конца сошедший след от пальцев на шее Цзян Шоуяня и произнёс:

— Давай я тебя помою.

Руки Цзян Шоуяня освободились, и он ущипнул парня за бок:

— Заткнись.

— А что такого? — Чэн Цзайе посмотрел ему прямо в глаза и, склонив голову набок, добавил: — Вчера-то я тебя везде вымыл.

Цзян Шоуянь не хотел, чтобы Чэн Цзайе занимался этим, но чувствовал, что действительно немного испачкался. Откинув одеяло, он оттолкнул Чэн Цзайе. Тот, поддавшись движению, сел, опустил голову и увидел татуировку внизу его живота: зелёную бабочку-нимфалиду, запечатлённую в полёте сбоку. Девушка-мастер оказалась очень искусной: градиент от розового к зелёному получился настолько естественным, что Чэн Цзайе сразу вспомнил ту необычную бабочку, что они видели в лесу.

Перед глазами у него снова предстал вчерашний Цзян Шоуянь — с налётом болезненной одержимости, отчего сердце Чэн Цзайе болезненно сжалось. Возможно, ему не дано было в полной мере разделить боль Цзян Шоуяня, но ему вдруг захотелось знать, вспоминал ли тот, набивая бабочку, лес, поле и ночь, пропитанную ароматом вишнёвого ликёра? Смог ли он тогда хоть ненадолго вырваться из затягивающего его водоворота, сделать глубокий вдох и почувствовать хоть каплю надежды на будущее? Одной этой мысли было достаточно, чтобы Чэн Цзайе почувствовал: абсолютно всё, что произошло тем летом, имело смысл.

Не успел Цзян Шоуянь сесть, как Чэн Цзайе вдруг наклонился и поцеловал его татуировку. Он не мог сполна прочувствовать его боль, а потому ему оставалось лишь целовать его — снова и снова. Скорбеть о том, о чём скорбит он, радоваться тому, чему радуется он.

***

Цзян Шоуянь собирался только переодеть штаны, но, сняв их, решил заодно принять душ, из-за чего концы его волос намокли. Волосы отросли настолько, что их можно было собрать в небольшой хвостик, и каждый раз во время мытья намокали. Раньше он не обращал на это

внимания: ляжешь спать, а пока спишь — высохнут, но теперь вышел из ванной с полотенцем на голове.

Чэн Цзайе в спальне не было. Цзян Шоуянь окинул комнату взглядом: простыню и пододеяльник сняли и бросили в стирку, а в раскрытом чемодане в углу не хватало одной пижамы. Стянув с головы полотенце, Цзян Шоуянь подошёл к шкафу, достал новый одноразовый комплект постельного белья и заново застелил кровать. Линь Хуань часто ездил в командировки и останавливался в отелях, поэтому запасался такими вещами с избытком: детекторы скрытых камер, дезинфицирующие средства и прочее — всё это стало его обязательным дорожным набором.

Покончив с бельём, Цзян Шоуянь немного посидел, отдыхая, затем снова накинул полотенце на голову и пошёл на кухню, где и отыскал Чэн Цзайе. Тот попросил в отеле немного риса и мяса и теперь варил кашу. Цзян Шоуянь бросил на него взгляд и слегка поморщился.

Схватив полотенце, Чэн Цзайе с улыбкой принялся вытирать ему волосы. Пижаму, которую привёз с собой, он надевать не стал, а нацепил ту, что принадлежала Цзян Шоуяню. Она оказалась ему маловата, пуговицы не сходились, поэтому он ходил в ней нараспашку.

Цзян Шоуянь протянул руку и провёл ладонью вниз по его груди. Кожа на подушечках его собственных пальцев всё ещё оставалась сморщенной и побелевшей от долгого пребывания под душем, поэтому на ощупь казалась не такой уж гладкой. Чэн Цзайе перехватил его руку и взглянул на неё. Возможно, дело было в том, что в последнее время Цзян Шоуянь толком не ел. Того, что попадало в желудок, хватало лишь на поддержание базовых жизненных функций, но питательных веществ организму катастрофически недоставало. Со временем эти проблемы начали постепенно давать о себе знать: он всё больше худел, лицо побледнело, кожа стала более сухой, чем раньше, а пальцы от воды очень быстро покрывались глубокими морщинками.

Чэн Цзайе поднёс его руку к губам, поцеловал, а затем снова положил себе на грудь. У него были пропорциональные, рельефные мышцы, прикасаться к каждому сантиметру которых было невероятно приятно.

Когда с волос Цзян Шоуяня перестала капать вода, Чэн Цзайе отложил полотенце, подхватил одну прядь и принялся перебирать её между пальцами.

— Сильно отросли, будем стричь? — и, не дожидаясь, пока Цзян Шоуянь откроет рот, он тут же продолжил: — Хотя, может, ну его? Зима на дворе, с длинными волосами теплее.

Цзян Шоуянь обнял Чэн Цзайе, пристроив подбородок в ямочке на его шее:

— Разве мы не договаривались, что ты меня подстрижешь?

Чэн Цзайе, казалось, не сразу осознал происходящее. Какое-то время он стоял в оцепенении и лишь спустя мгновение опустил голову, крепко прижимая Цзян Шоуяня к себе.

— Хорошо, чуть позже сходим купим инструменты, и я тебя подстригу.

— В этот раз не нужно покупать пару париков для тренировки? — усмехнулся Цзян Шоуянь.

— Уже натренировался. Ещё в Сан-Франциско, натренировался, — ответил Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь лишь хотел пошутить, но, услышав такой ответ, внезапно почувствовал, как защемило сердце. Он вдруг вспомнил первое сообщение в WeChat, полученное после возвращения на родину. Чэн Цзайе тогда написал: «Я не хочу расставаться». Цзян Шоуянь увидел его, но ничего не ответил. В то время ему казалось, что каждый вдох истощает его жизненные силы, и у него попросту не было ни капли лишней энергии на ответ. Сейчас он не

мог представить, как Чэн Цзайе, не отрывая взгляда от экрана чата, ждал его сообщения. И не мог представить, насколько же холодной выдалась осень в Сан-Франциско, раз Чэн Цзайе тоже так сильно осунулся.

— То, что я так и не ответил на твоё сообщение... это ничего? — внезапно спросил Цзян Шоуянь.

— Ничего страшного, — ответил Чэн Цзайе. — До тех пор, пока с тобой всё в порядке, остальное не имеет значения.

На самом деле Чэн Цзайе думал: «До тех пор, пока ты жив, остальное не имеет значения», но слово «жив» было для Цзян Шоуяня слишком тяжёлым, и он не смог произнести его вслух.

Цзян Шоуянь снова спросил:

— А в Сан-Франциско ты только и делал, что учился стричь волосы?

Чэн Цзайе поцеловал его и с улыбкой произнёс:

— Конечно нет. Ещё я изучал, как человек шаг за шагом превращается из растения в животное, затем в ребёнка, и, в конце концов, вырастает во взрослого.

Цзян Шоуянь нахмурился:

— Звучит как-то странно.

— Есть немного, — согласился Чэн Цзайе.

— Это было тяжело?

Чэн Цзайе немного подумал:

— Для меня — очень. — Потому что Цзян Шоуянь был для него очень важен.

Они ещё долго болтали в объятиях друг друга, и в итоге получили кастрюлю подгоревшей каши. У Чэн Цзайе, похоже, уже очень давно не случалось подобных кулинарных фиаско. Он стоял, совершенно не представляя, что с этим делать. Цзян Шоуянь, посмеиваясь, соскрёб прилипший ко дну рис, перемешал, а затем вычерпал его и выбросил.

После еды они тепло закутались и собрались выйти на улицу за инструментами для стрижки. Цзян Шоуянь, немного колеблясь, остановился в дверях. Чэн Цзайе не стал ни о чём спрашивать, лишь протянул руку, поправил ему волосы, затем натянул на него шапку, осмотрел со всех сторон и выдал:

— Ты ещё больше похож на студента, чем я.

— Скажешь тоже! — рассмеялся Цзян Шоуянь.

— Серьёзно, — ответил Чэн Цзайе. — Иностранцы стареют с невероятной скоростью, их период цветения ох как короток.

Цзян Шоуянь толкнул дверь, Чэн Цзайе вышел следом.

Днём немного потеплело, и снег на улицах заметно подтаял. Стоя посреди серой, неприглядной улицы, Цзян Шоуянь на мгновение растерялся, не зная, куда им отправиться за инструментами. Обычными ножницами они бы не обошлись, нужны были ещё филировочные. Пока Цзян Шоуянь размышлял, найдутся ли подобные вещи в крупных сетевых супермаркетах, Чэн Цзайе уже построил маршрут в телефоне и сказал:

— Идём.

Цзян Шоуянь бросил взгляд на экран и увидел, что конечная точка маршрута — некая парикмахерская. Это показалось ему странным, но в то же время невероятно логичным: где же ещё, как не в парикмахерской, найдётся самый полный набор инструментов для стрижки? Но не вышвырнут ли их оттуда за такую наглость? Не дав Цзян Шоуяню сказать и слова, Чэн Цзайе схватил его за руку и потащил за собой по маршруту навигатора.

Они оба были отнюдь не низкорослыми, в особенности Чэн Цзайе — с таким ростом он мог бы дать фору даже рослым парням с северо-востока. А в сочетании с его западными чертами лица — высокой переносицей и широкими двойными веками — он неизбежно первым приковывал к себе взгляды прохожих, которые затем скользили по его руке к лицу Цзян Шоуяня.

Цзян Шоуянь почувствовал себя неуютно и потянул за край своей вязаной шапки, натягивая её

пониже. Чэн Цзайе внезапно отпустил его локоть. Цзян Шоуянь остановился, повернулся и сам взял его за руку.

— Я не это имел в виду, — объяснил он. — Я натянул шапку не потому, что ты держишь меня за руку, а потому, что очень давно не выходил на улицу. Немного отвык от чужих взглядов.

Он слишком долго жил в изоляции. Если и выходил из дома, то только по вечерам, когда на улицах было малоллюдно и под покровом темноты никто не мог его разглядеть. Сейчас, даже несмотря на то, что Чэн Цзайе был рядом, ему всё равно было не по себе, пусть даже эти взгляды были полны лишь искреннего восхищения и не таили никакой злобы.

Чэн Цзайе вытащил из кармана две хлопковые маски, протянул одну Цзян Шоуяню и с улыбкой спросил:

— Хочешь надеть маску? Ветер, кажется, разыгрался, лицо немного саднит.

Цзян Шоуянь на секунду опешил, но маску взял. Чэн Цзайе скользнул пальцем по экрану с картой и произнёс:

— Вон там есть небольшая тропинка, если пойти по ней, выйдем к озеру.

— Может, пойдём той дорогой? — предложил Чэн Цзайе. — Заодно посмотрим, замёрзла ли вода в озере.

У Цзян Шоуяня от ветра слегка слезились глаза. Из-под маски его голос прозвучал немного приглушённо:

— Угу.

Тогда Чэн Цзайе взял его ладонь, спрятал в свой карман, и, огибая участки грязного снега, свернул на вымощенную камнем дорожку.

Днём в будний день на тропинке не было ни души, стояла абсолютная тишина. К подошвам ботинок Чэн Цзайе и Цзян Шоуяня лип снег, и каждый шаг оставлял чёткий отпечаток. Время от времени они останавливались, оглядывались на эту длинную цепочку следов и вдруг, посмотрев друг на друга, начинали смеяться.

Чэн Цзайе, всё ещё улыбаясь, наклонил голову и сквозь маску слегка коснулся своими губами губ Цзян Шоуяня. В такую погоду вода в озере ещё не замёрзла. Чэн Цзайе посмотрел на водную гладь и произнёс:

— Какая жалость. Если бы оно покрылось льдом, мы могли бы пойти покататься.

Цзян Шоуянь спросил:

— Тебе нравится кататься по замёрзшему озеру?

— Нравится, — ответил Чэн Цзайе, глядя на Цзян Шоуяня. — Когда я с тобой, мне нравится

абсолютно всё. Даже если мы будем просто лежать и ничего не делать, я всё равно буду чувствовать себя счастливым.

Цзян Шоуянь опустил глаза. Он с трудом мог представить себе Чэн Цзайе в роли домоседа, безвылазно сидящего в четырёх стенах. Чэн Цзайе был рождён свободным, не терпящим оков, даже посреди суровой зимы в нём пылал жар, подобный зною в разгар лета.

Пять минут спустя Чэн Цзайе успешно раздобыл в парикмахерской полный набор инструментов. Цзян Шоуянь не захотел заходить внутрь и терять лицо, поэтому остался караулить у входа, наблюдая через стекло.

С наступлением холодов желающих подстричься поубавилось. Маленькая парикмахерская наконец-то дождалась клиента, но тот, как назло, оказался иностранцем. Хозяин заведения на мгновение опешил и начал лихорадочно рыться в памяти, пытаясь вспомнить английский. Однако, к его великому изумлению, иностранец заговорил на путунхуа чище и правильнее, чем он сам. А уж от списка того, что ему было нужно, хозяин и вовсе впал в ступор. Он даже оглянулся на интерьер своей крошечной парикмахерской, размышляя: вроде бы обстановка совсем не тянет на супермаркет, так с чего вдруг? В конце концов он отыскал всё необходимое в подсобке. Инструменты были абсолютно новыми, и он отдал их Чэн Цзайе по себестоимости, вдобавок подарив одноразовую накидку на стрижку.

Чэн Цзайе оплатил покупку, отсканировав QR-код в WeChat. Как только раздался звуковой сигнал о списании средств, хозяин по привычке уже открыл было рот, чтобы сказать дежурное: «Приходите ещё», но, опустив взгляд на предметы, которые укладывал в пластиковый пакет, молча проглотил эту фразу. Провожая взглядом Чэн Цзайе, толкающего входную дверь, он удивлялся, почему его язык сегодня будто намертво примёрз к небу. За всё время общения с клиентом он не выдал из себя ни единого лишнего слова, кроме растерянных: «А?», «О», «Хорошо» и «С вас тридцать девять». Зато парень оказался весьма приветлив: расхвалил и ремонт, и мастерство парикмахера, и невиданную щедрость хозяина.

Взяв пакет, Чэн Цзайе с Цзян Шоуянем отправились домой. Цзян Шоуянь немного утомился и, едва войдя, плюхнулся на диван. Оттуда он лениво наблюдал, как Чэн Цзайе раздобыл где-то кусок ткани, расстелил его на полу, затем притащил стул и поставил прямо на ткань, а напоследок принёс из комнаты небольшое зеркало.

Цзян Шоуянь поднялся с дивана, подошёл к стулу и сел. Чэн Цзайе встряхнул накидку и аккуратно заправил её края за воротник Цзян Шоуяня.

— Ну, я начинаю, — сказал Чэн Цзайе, держа в одной руке ножницы, а в другой расчёску.

Цзян Шоуяню стало немного смешно, и он согласно кивнул. Маленькое зеркало стояло на стуле прямо напротив Цзян Шоуяня, так что он мог в любой момент увидеть, как именно его стригут. Однако на себя он не смотрел, его взгляд всё время был прикован к Чэн Цзайе, который взялся за дело со всей серьёзностью.

В его опущенных глазах читалась полная сосредоточенность, а движения рук были лёгкими и осторожными. Время от времени, когда он слегка поворачивал голову и через зеркало встречался взглядом с Цзян Шоуянем, ему пару секунд удавалось сохранять невозмутимый вид. Но после нескольких таких переглядываний вся его серьёзность улетучивалась: он со смехом тянулся к нему, чтобы чмокнуть в губы, а затем снова возвращался к стрижке.

По мере того как остриженные пряди одна за другой падали на пол, голова Цзян Шоуяня словно становилась легче. В этой лёгкости крылось странно знакомое, но давно забытое чувство.

Наконец Чэн Цзайе отложил ножницы и, глядя в зеркало, произнёс:

— Готово.

Цзян Шоуянь покрутил головой из стороны в сторону: подстрижено было очень аккуратно и

стильно. Чэн Цзайе наклонился и, потеревшись щекой о свежестриженные волосы Цзян Шоуяня, спросил:

— Вы довольны стрижкой, мой первый клиент?

Цзян Шоуянь не ответил, а внезапно спросил сам:

— Тебе очень хочется покататься по замёрзшему озеру?

Чэн Цзайе слегка опешил — Цзян Шоуянь вспомнил фразу, которую тот вскользь обронил на улице. На самом деле, больше всего на свете он хотел просто быть рядом с Цзян Шоуянем и вовсе не нуждался в том, чтобы тот специально ради него что-то менял. Но, встретившись с его серьёзным взглядом, он вдруг осознал: так Цзян Шоуянь проявляет свою заботу.

Цзян Шоуянь боялся, что Чэн Цзайе заскучает, проводя всё время с ним, и опасался, что тот увидит его в совершенно разбитом, депрессивном состоянии. Хотя они и договорились ничего не скрывать друг от друга, когда доходило до дела, Цзян Шоуянь подсознательно пытался сбежать и спрятаться. Поэтому Цзян Шоуянь подумал: а не станет ли лучше, если они куда-нибудь выберутся? По крайней мере, находясь на людях, он будет вынужден брать себя в руки и подавлять свои мрачные эмоции. Но поскольку никаких других интересных идей в голову не приходило, он просто уцепился за вскользь упомянутое Чэн Цзайе замёрзшее озеро, пытаясь отыскать хоть что-то, что могло порадовать любимого человека.

Поняв это, Чэн Цзайе поменял свою позицию и произнёс:

— Да, очень хочу.

— Тогда давай съездим в Мохэ, — тут же предложил Цзян Шоуянь. — Это самый север Китая. Там озёра точно успели покрыться льдом.

Чэн Цзайе опустил взгляд, а когда снова поднял глаза, на его губах играла улыбка:

— Ты так добр ко мне, Цзян Шоуянь.

<http://bllate.org/book/14908/1613519>